

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.17>

Уткина Елена Викторовна

"...И ОБРЯЩЕТЕ ПОКОЙ ДУШАМ ВАШИМ...". "ВАЛААМСКИЙ ХЛЕБ" РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье прослеживается идейное развитие и общность ряда "валаамских" очерков как уникального явления русской паломнической публицистики, тесно связанных с традициями отечественной духовной прозы. Внимание автора сосредоточено на произведениях, мало вспоминаемых сегодня (очерки свт. Игнатия (Брянчанинова), А. Н. Муравьева, Н. С. Лескова, В. И. Немировича-Данченко и др.). Это позволяет глубже и многограннее представить мир и дух Валаама, проследить динамику движения "мятущейся" русской души в течение целого столетия. Валаамские очерки, бесспорно, отражают общие для русской литературы этого периода процессы духовного брожения, поиска путей обретения веры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/4-2/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(82). Ч. 2. С. 288-292. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phii@gramota.net

**THE ROLE OF PSYCHOLOGISM IN THE PSYCHOLOGICAL CRIMINAL NOVEL
AND ITS INFLUENCE ON READER'S INTEREST**

Ul'yanova Yana Aleksandrovna
Saratov State University
yanaaleksandrovn@mail.ru

The article examines the phenomenon of psychologism and its role in the genre of a psychological criminal novel. The novel "Death under Sail" (1932) by C. P. Snow is analyzed. The author studies the ways of psychologism influence on reader's interest. In the course of studying the indicated problems, the paper reveals such ways of psychologism influence on reader's interest as immersing the reader in the plot, using two polar images as the main characters, identifying the reader and the main characters, reader's emotional interest and trying on the role of "psychologist" for himself / herself, etc.

Key words and phrases: psychologism; reader's interest; ways of influencing the readers' interest; psychological criminal novel; novel "Death under Sail"; C. P. Snow.

УДК 82(091)(06)

Дата поступления рукописи: 22.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.17>

В статье прослеживается идейное развитие и общность ряда «валаамских» очерков как уникального явления русской паломнической публицистики, тесно связанных с традициями отечественной духовной прозы. Внимание автора сосредоточено на произведениях, мало вспоминаемых сегодня (очерки свт. Игнатия (Брянчанинова), А. Н. Муравьева, Н. С. Лескова, В. И. Немировича-Данченко и др.). Это позволяет глубже и многограннее представить мир и дух Валаама, проследить динамику движения «мятущейся» русской души в течение целого столетия. Валаамские очерки, бесспорно, отражают общие для русской литературы этого периода процессы духовного брожения, поиска путей обретения веры.

Ключевые слова и фразы: Валаам; «валаамская» литература; «валаамская» тема; русская духовная проза; очерк; духовный писатель; подвижник; русское иночество; духовная крепость.

Уткина Елена Викторовна, к. филол. н.
Оренбургский государственный педагогический университет
ospri@ospri.ru

**«...И ОБРЯЩЕТЕ ПОКОЙ ДУШАМ ВАШИМ...».
«ВАЛААМСКИЙ ХЛЕБ» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

«Валаамская» тема не раз привлекала внимание исследователей [1; 6; 7; 9, с. 137; 10; 11; 14; 15], соединяясь с важной для русской культуры «проблемой соотношения христианства и художественного творчества» [9]. Чаще интерес ученых сосредотачивался на известных очерках Ивана Шмелева и Бориса Зайцева, перестроивших «художественный облик этих писателей» [11, с. 209]. Эти очерки служили отправной точкой в обращении к означенной теме. Но литература о Валааме стала формироваться гораздо раньше, начало ей положили родоначальник «литературной» духовной прозы А. Н. Муравьев и свт. Игнатий (Брянчанинов).

Общеизвестно, что до крещения Руси св. равноапостольным князем Владимиром сюда, на северное побережье Ладожского озера, стали приходить и селиться иноки. «Валаамские старцы правы, говоря, что здесь на каждом камне слеза лилась и под каждым деревом молитва возносилась» [13]. Суровые и мрачные берега, гордая и величавая в своей первозданности природа, нерушимая тишина, вековечная, нерукотворная, влекущая к себе, как к укрытию от суетного мира, привлекали тех, кто избрал не этот мир своим господином, выбрал иной путь – молитвенного служения Тому, «кто положил за нас душу Свою» [5, с. 105].

Среди валаамских иноков разных периодов нашей истории известны преподобные Сергей и Герман, Авраамий Ростовский и Арсений Коневский (основатель Коневского монастыря), прп. Александр Свирский. Какое-то время здесь жил прп. Савватий Соловецкий, ушедший затем к Белому морю в необитаемые места Соловецкого острова. Бог благословил этот край и наделил ищущих глубокого уединения иноков стремлением именно здесь, сливаясь с природой, возносить хвалу Богу.

Об особом предназначении данных мест писал в своем очерке «Посещение Валаамского монастыря» «Ангел-Хранитель» обители свт. Игнатий (Брянчанинов). Он поведал читателям предание, изложенное Нестором, о посещении Валаама апостолом Андреем Первозванным. Ученик Спасителя, переплыв в этом месте Ладожское озеро, обратился к христианству языческих жрецов и основал христианскую Церковь. Святитель поддерживает легенду, полагая, что «Сам Бог внушил апостолу это высокое, святое намерение, дал силу к исполнению его» [17, с. 582]. Ему важно подчеркнуть, что Валаам соединяет крепкой невидимой духовной связью времена апостольские и начало русской истории. Мы полагаем, что в такой позиции владыки усматривается и ответ «просвещенному путешественнику» А. Н. Муравьеву, который несколько ранее прямо коснулся начальной истории этого уголка Северной земли, относя валаамские предания к апокрифическим:

«Глубокая древность покрывает неизвестностью и сомнением начала Валаамской обители, и летописи не определяют времени преподобных Сергия и Германа, коих житие даже утрачено...» [12, с. 5-6].

Русская литература глубоко и волнующе откликнулась на природную красоту и духовную крепость Северного Афона, тонко почувствовав и реализовав основную потребность русской души – тоску по идеалу, поиску своего пути к Богу как единственной возможности спасения.

В течение целого столетия один за другим увидели свет «Валаам» А. Н. Муравьева (в составе «Путешествий по святым местам русским», изд-е 5-е) (1863), очерки свт. Игнатия (Брянчанинова) «Посещение Валаамского монастыря» (1847), Н. С. Лескова «Монашеские острова. На Ладожском озере» (1873), В. И. Немировича-Данченко «Крестьянское царство (Очерки и впечатления летней поездки на Валаам)» (1883), И. Шмелева «На скалах Валаама. За гранью мира» (1897), позже в эмиграции «Старый Валаам» (1933-1936) и «Валаам» Б. К. Зайцева (1936). Всё создано в разное время и даже эпохи, в разных жизненных обстоятельствах, душевных состояниях, некоторые из очерков полемичны по отношению к другим. Так, очерк Н. С. Лескова являет творческие несогласия автора как художника слова с «Валаамом» А. Н. Муравьева, что находит отражение в тексте [3]. Но в этой группе произведений о Валааме выявляется нечто общее, что сближает их на уровне духовных традиций отечественной литературы, в центре которых – жажда обретения смысла жизни, поиск ценностных ориентиров.

Вот в очерке «Крестьянское царство» В. И. Немировича-Данченко отец Алипий наставляет рассказчика:

«– Да вон у тебя взор какой... Легкий... Вольный у тебя глаз... Страх не видит. А тут, знаешь, какое дело, страх надобен. Ах, и какой еще страх надобен! Чтобы душа в тебе трепетала, чтобы всякое помышление твое было: Господи, помилуй мя грешного. <...> А все же настоящего трепета в тебе нет. Это ты, брат, как хочешь, а нет. Может и вера есть, а страха – нет.

– Зачем же страх?

– Да как же перед могуществом Его?.. Одним дыханием своим убить Он тебя может, а ты трепетать не хочешь. Дух в тебе гордыни мятется – вот что!» [13].

Будущий писатель Иван Шмелев (очерк «На скалах Валаама»), впечатленный услышанным от монаха, еще только начинающий взрослую жизнь, задумывается над свободным, по сути, выбором человека, над тем, как построить свою внутреннюю жизнь. Беседуя с подвизавшимся иноком, он недоумевает по поводу того, что виденная им работа монахов и послушников не контролируется, их трудам и стараниям доверяют. И получает неожиданный для себя ответ: «Нам не надо надсмотрщиков, – говорит провожатый монах, – для Бога работаем, а Бога не обманешь. Ревнуем во имя Божие». Пораженный молодой человек вдруг осознает всю сложность и ценность этого самого «во имя Божие»: «Во имя – какая это сила?», которая все вопросы разрешила одним – «во имя» [18, с. 79].

Другой пример неожиданных «открытий» мы обнаруживаем в воспоминаниях о Валааме архимандрита Афанасия (Нечаева), с душевным трепетом рассказывающего о своей первой встрече с отшельником Коневского скита, «смирнейшим, тишайшим и улыбающимся старцем» отцом Николаем: «Как только впервые увидел нас с о. Исаакием о. Николай, замахал ручкой, заманил к себе и сейчас же без всяких разговоров принялся ставить самовар. Весь так и преобразился старец во внимание к нам, так и загорелся весь какой-то вдохновенной услужливостью. И главное – без слов. Только улыбается и служит. Но так охотно, так от всего сердца, как будто пришел к нему самый драгоценный гость». От исходящей от о. Николая любви автор ощущает невольное преображение, «старец сделал меня уже другим человеком». Через свое отношение к гостю, как к ангелу, он просветлил душу посетителя: «И сидел я за чайным столом как завороченный, как будто ангел меня пригласил к себе в гости, а не мужичок простой» [2].

Борис Зайцев, несколько позже побывавший на Валааме, еще застал в живых Валаамского отшельника, «тонкого и тихого, старенького ангела Николая», также поразившего его своим смирением и «услужливостью». Он подмечает в общении с отцом Николаем другой ценный эпизод:

«Когда зашел разговор о любви и трудности любить людей, о. Николай вставил коротко:

– Молиться-то легко, а любить всего труднее. <...>

В разговоре об отношениях к врагам вставил тоже недлинную фразу:

– За них нельзя, как за врагов, молиться. Горячих углей на голову насыплешь. Надо, как за друзей» [4, с. 187].

Подобные зарисовки тонко и живо касаются сокровенных уголков жизни человеческой души, смысловых акцентов её жизненной траектории, но при этом они оставляют возможность человеку самому решать «вековые» вопросы о взаимоотношениях с Богом, не отвергая нравственного закона, а принимая его в свое сердце и сознавая трудное следование ему.

Путь возрастания, внутреннего восхождения к идеалу, Богочеловеку, пострадавшему за каждого и искупившего наши грехи, – работа вседневная, постоянная, ежедневная и ежечасная. По этому пути всегда шла и развивалась русская литература и русская духовная проза, сосуществуя, взаимодействуя и укрепляя в вере своего читателя, решая существенные вопросы его бытия: как не сойти с указанного пути? да и по силам ли нам этот путь? В поиске ответов стремился русский человек к святым местам. Валаам, бесспорно, одно из таких – седых, древних, надежных.

Святитель Игнатий видел в старом Валааме «сердце религиозной жизни» для северных рубежей нашей родины, древнейший очаг восточного христианства, который духовно питал жителей, населяющих побережье Ладожского озера: славян, карелов и финнов – с очень давнего времени. Он отмечал особенное устройство монастырской жизни. По мнению святителя, она нацеливает иноков на «думы глубокие» и «размышления о вечности», а также в точности повторяет жизнь раннехристианских монастырей. Валаамский монастырь

«имеет монашествующих всех видов Восточной Православной Церкви; имеет и общежитие, и скит, и пустынных, и отшельников» [17, с. 590]. Позже в устройстве Валаамской обители произойдут изменения: при игумене Дамаскине исчезнет отшельничество.

Для епископа важна преемственность *подвижнического духа*, которую чудесным образом это святое место унаследовало от апостольских времен и сумело сохранить. Здесь сердечный плач монаха о падшем человеке сливается «с дикою, строгою природою, с громадными массами гранита, с темным лесом, глубокими водами» [Там же, с. 594-595]. Здесь чуткое ухо уловит вековое, протяжное *Господи, помилуй*, ежечасно устремленное к небу, вымалывающее для ощутившего свое падение человека надежду спасения.

Интересное наблюдение, принадлежащее святителю, мы обнаруживаем в этом очерке. Оно касается глубоко восприимчивых натур, которые могут усмотреть, например, в пении валаамских иноков «негладкости» и «недостатки исполнения», но, наряду с этим, тонко ощутить особое чувство благоговения и того «важного» и «грандиозного», что совершается в этом святом уголке, где «веселому» и «игривому» нет места.

Подмеченная нами особенность совпадает с впечатлениями, ранее описанными А. Н. Муравьевым. Духовный писатель в книге «Путешествие по святым местам русским» в главе «Валаам» отмечает строгость внутренней жизни, исключительную важность молитвенного служения, теснейшую связь с многовековыми традициями иночества и открывает читателю новые возможности приобщения к глубокой вере предков. Его поражает поведение «кормчего инока», перевозившего в обитель паломников, который посреди озера глубокой ночью возносит свою благодарную молитву «преблаженным» Сергию и Герману – сохраняющим своим ангельским служением Валаам. «Притягательна и величественна была в сие мгновение песнь его на сумрачном озере» [12, с. 4-5].

А. Н. Муравьев ощущает незримую грань между «отрешенной от мира» молитвенной жизнью инока и миром «этим», ритмы и пульсация которого остаются чуждыми стремлению к «совершенному покою»: «Расставаясь на той грани, где для них кончается мир, я подумал, как суетны и жалки должны мы были казаться сим отшельникам...» [Там же, с. 22]. Автор не просто обозначает проблему «ищущей» русской души, должной делать выбор между законом *нравственным* и *эгоистическим*, но обнажает другую, более сложную её сторону: как совместить в своем индивидуальном личностном бытии мир *должный* и мир *явный*? в каких взаимоотношениях могут находиться эти миры в душе человека? как при этом не потерять эту самую индивидуальность? как устоять на выбранной дороге? как и во имя чего должно смиряться? что такое духовный путь? может ли Бог быть ближе, чем самые близкие люди? Писатель закладывает мощный фундамент последующих творческих решений и открытий русских художников слова, обращающихся к паломнической проблематике. Мы полагаем, что именно в «валаамской» теме этот «задел» Муравьева особенно ощутим.

Подтверждением открытия А. Н. Муравьева служит психологически тонкий, написанный в традициях русской духовной прозы очерк Ивана Шмелева «Старый Валаам». В нем есть эпизод, в котором раскрывается глубокая личная и личностная трагедия всемерно любящего свою семью, «провинившегося» батюшки о. Николая. Здесь же «страшное» открытие студента Шмелева, чуждое его молодому любящему сердцу: он, чужой отцу Николаю человек, не может смириться с судьбой несчастного батюшки.

Отец Николай прислан на Валаам «для исправления»: «Ну, провинился, каюсь, пил. Да пора бы уж... Господь простил, видит мое раскаяние» [18, с. 75]. Пробыл он на Валааме четыре года. Дома шестеро детей... Попадья «просвирней в селе стала». Консистерского указа все нет, а душа так рвется на родину, к родным: «– Истомился, – шепчет старик, чуть слышно, – чувствую скоро и совсем обсижусь тут, не будет и тянуть туда. Прощайте, голубчики мои.

Впоследствии я узнал, что опасения отца Николая оправдались, и он навсегда остался в монастыре» [Там же, с. 161].

Темы личностной трагедии, индивидуального поиска и отдельной судьбы человека переплетены в валаамских очерках с общим молитвенным движением братии по пути восхождения и спасения. И В. И. Немирович-Данченко, проверяющий «на прочность» иноческую (в том числе хозяйственную) жизнь монастыря, это хорошо чувствует. Но со своим «светским опытом» жизни оказывается бессильным понять такой путь.

В «Крестьянском царстве» в главе XXXII он рисует нам портрет отца Пимена – «кандидата университета», «убежденного монаха», «замечательного ученого», «благожелательного, доброго, с чуткой и поэтической душой», свободно читающего на нескольких языках. «Среди невежественного в этом отношении Валаама о. Пимен – явление резко выделяющееся», – замечает автор. Его волнуют вопросы: как о. Пимен реализует здесь потребности своей «учености», возможности одаренной натуры, почему для этого талантливого человека лучше Валаама нет места на земле. В заключении пишет: «О. Пимен – один из тех иноков, на которых зиждется строгий склад валаамской жизни» [13].

Всё больше В. И. Немирович-Данченко убеждается в том, что внутреннее движение жизни монашествующих оказывается закрытым для мирского человека, светского писателя, и никакими законами современной научной и индустриальной действительности его не объяснить:

«О. Пимен обошел один из цветков, чтобы не наступить на него. Другой монах при этом заметил:

<...> – Цветок как мудрец душе глаголет. Он – тоже книга, только смятенному духу закрытая, а пустынножителю ясная и понятная. Сия книга умная. У ней каждый лепесток – страничка. <...>

– Однако земные мудрецы разгадали все – и состав, и жизнь вашего растущего и благоухающего мудреца-цветка, и не только разгадали, но и поставили его как солдат в шеренгу – на свое место...

– Вашу мудрость, – прервал меня монах, – преподобный Исаак Сириянин называет нагим ведением!..

– А что такое нагое ведение?

– Да нехорошо... вот что!» [Там же].

В конце своих обстоятельных наблюдений автор «Крестьянского царства» вынужден признать, что из всех монастырей, которые он посетил, Валаамская обитель дает возможность судить об образе здешнего старца как о «наиболее цельном и полном» [Там же]. Но истинный дух валаамского подвижничества остается для него чужим. Выбор сделан в пользу мира *явно*го – знакомого, понятного и вполне родного.

Немалый по размеру очерк «Крестьянское царство», избилующий многими подробностями валаамской жизни, освященными особым авторским взглядом на обитель, поднимает, между тем, множество вопросов, которые вплотную приближают жизнь и «подвиги» подвизавшихся иноков к реалиям самой жизни. Зачем сегодня спасаться в монастыре, когда жизнь человека обоснована и доказана научно? Что открывает иноку, часто в прошлом крестьянину или мастеровому, не знающему тонкостей духовного возрастания, не редко не умеющему читать, путь молитвенного служения? Ради чего он стремится уйти от мира? Поставлены в этом очерке и такие вопросы: где грани личностной свободы? Является ли понуждение себя проявлением свободы? Духовные традиции русского иночества словно проверяются на прочность. За выбором В. И. Немировича-Данченко вполне ощутим выбор эпохи.

Н. С. Лесков в «Монашеских островах» ставит перед собой, казалось бы, вполне понятную авторскую задачу – уловить выражение и характер Валаамской обители, о чем сообщает в начале очерка: «...отзывы о Валааме очень разнообразны: одни восторженно хвалят природу острова... другие милостивы только к красоте природы, а к жизни валаамских отшельников относятся недоверчиво... мне тем интереснее было увидеть все это своими глазами и составить о том, что придется видеть, свое мнение» [8, с. 84].

Но на поверку оказывается, что объектами «парадоксального» [16, с. 146] исследования писателя в очерке становятся не иноки, а паломники, среди которых можно встретить «богомольцев поневоле», убегающих на острова от закона, фанатиков, «сухих аналитиков», а также особую группу людей, в которых «счастливы сочетаются» вера и поэтическое чувство. («Парадоксальность» заключается в том, что очерк не содержит сведений о Валааме как таковом. В нем описывается двухдневное путешествие к нему; объектами авторских пристрастий становятся люди, плывущие вместе с ним на пароходе и остров Коневец). Это, сообщает нам автор, «самый интересный разряд паломничества». Хотя не данная группа «пламенных защитников религиозного идеализма», «восторженных душ», стоящих на страже идеалов отшельничества, попадает в поле зрения художника. По пути на Валаам, на пароходе он наблюдает другое: в том большинстве людей, плывущих вместе с ним, нет того особенного духа, той атмосферы, которая настраивает человеческое сердце на трепетную встречу с тем, что дорого и свято каждому верующему. Возникает тягостное размышление о «святой родине», о её пути, о месте и значении в её судьбе каждого из нас: «Куда стремишься, куда плывешь ты... на своем углу корабле со своими пьяными матросами? Как варит твой желудок эту смесь гороха с капустой, богомолья с пьянством, спиритских бредней с мечтательным безверием, невежества с самомнением?... О, крепись, моя родина! крепись – ты необходима: кроме тебя, этим всяк поперхнет!» [8, с. 134].

И закрадывается в душу «трезвого и недоверчивого» автора сомнение, и не видит наблюдательный взгляд отрадных, подходящих паломнической цели путешествия, картин, нет на плывущем на Валаам корабле таких личностей, которые укрепляли бы чувства верующего человека. Вместо этого мирские слабости окружающих и чувство недоумения внутри, даже знаменитый Конь-Камень – достопримечательность Коневца – уж никак не похож на коня, а скорее на «безногого слона», да и иконы в скиту «плохие», неправильно писанные, в общем кроме нескольких чудесных видов нет, пожалуй, ничего, что вызвало бы соответствующие ожидания и месту чувства.

Внимание автора выхватывает из окружающего его общества одного путешественника, неприметного питерского ремесленника, «серебряника», имеющего, как выяснилось, свою мастерскую по изготовлению риз на иконы. Несчастный страдает знакомым русскому человеку недугом – пьянством. Измученный внутренней борьбой, он не первый раз пытается избавиться от болезни. Невольно автор становится свидетелем проявления великой милости Божией. Потрясенный «серебряник» делится с ним своими сокровенными переживаниями. О сокрушении сердца и чудодейственном сне он просто и безыскусственно рассказывает автору: «И вдруг меня обуял плач, – сердечный плач, и во всей утробе моей точно ноем заныло; и я обернулся на море и возговорил: “Господи! не за то ли это, что я, трудясь и работая, иной раз в душе помышляю, что я не подлец какой-нибудь, а честный человек, и наблюдаю свою совесть? Не даешь ли Ты мне это за то, чтобы я, всем от Тебя без меры осчастливленный, имел себе в этом позорную скорбь? В таком случае будь надо мною святая воля Твоя!”» [Там же, с. 164-165].

Именно этот эпизод путешествия оказывается для автора «спасительным», он меняет его настроение и подготавливает к важной встрече с Валаамом, «местом серьезным». Не в «смеси гороха с капустой» прячется вера простолюдина, «а живет она у человека по-домашнему, за пазушкой: вот он, – говорит о “серебрянике” контрольный чиновник, – и с пророком побеседовал, и во “славу Божию” поел, и во имя той же “славы” спать пошел. Он где ни оступится, все Бога прославляет, а Бог сам сказал, что он прославит прославляющих Его. Вот они и явились оба в одной цепи и, так сказать, в круговой друг за друга поруке. “Фамильярно”, – скажете. Оно так, а что же делать, когда у нас даже и на этот счет просто» [Там же, с. 167]. Так, через собственные наблюдения над путешествующими вместе с ним на пароходе людьми Н. С. Лесков касается темы важной и значимой для него, не открывая читателям всего авторского замысла, оставляя их на полпути к Святому месту, но указывая на те неизбежные трудности, которые им придется упорно преодолевать. К теме Валаама автор больше не возвращался.

В XX веке с переменами, произошедшими в нашей стране, жизнь Валаамской обители стала постепенно меняться, ей снова предстояли тяжелые испытания на целые десятилетия, чтобы вновь возродиться и воссиять Светом Христовой Истины. Последними образцами уходящего Старого Валаама стали глубоко поэтичные очерки Бориса Зайцева и Ивана Шмелева. Для этих певцов духовной и природной красоты Валаама Северный Афон явился органической частью Родины, малой и большой. В их текстах мы не обнаружим «роковых» вопросов, но явно ощутим удивительное понимание русской святости, внутреннее желание приобщиться к духовной крепости, вкусить «валаамского хлеба», чтобы сохранить этот вкус навсегда...

«Валаамская» литература удивительна в своей неповторимости. Отражая процесс зарождения и становления русской духовной прозы, она следует в общем движении и развитии отечественной литературы, тесно соединяясь с нею во внимании к потребностям «мятущейся» русской души. Являясь средоточием великой любви Господа к человеку, ответственным хранителем иноческого благочестия, соблюдающим преемственность подвижничества духа, Валаам притягивал к себе «тоскующих сердцем» художников слова. В течение ста лет (с первой трети XIX в. до середины 30-х годов XX в.) появился целый ряд произведений, которые в своем тематическом родстве дают удивительную возможность ощутить живую ткань русской души; в которых в неразрывном и целостном единстве отражаются эпоха и судьба отдельного человека, раскрываются сокровенные глубины национального характера. Создатели очерков об этом уголке северной земли отмечали его духовную крепость (свт. Игнатий (Брянчанинов)), остро сознавали тоску по Идеалу (А. Н. Муравьев), испытывали его на «прочность» мирскими слабостями (Н. С. Лесков), научным знанием и достижениями цивилизации (В. И. Немирович-Данченко), и все без исключения преклонялись перед его непорочностью, глубоко сознавая, что здесь каждому страждущему открывается путь преодоления своей самости. В обширном наследии литературы о Северном Афоне обнаруживается множество размышлений, заметок, наблюдений, тесно соединяющих земное и небесное в их вечном, сокровенном единстве.

Список источников

1. **Александрова-Осокина О. Н.** «Священный хронотоп» в паломнической прозе (яффа глазами русских богомольцев XIX в.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (65): в 3-х ч. Ч. 3. С. 10-14.
2. **Афанасий (Нечаев), архим.** Старый Валаам [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/fiction/staryj-valaam-arhim-afanasij-nechaev/> (дата обращения: 22.01.2018).
3. **Долгова Е. В.** Два взгляда на «Северный Афон» (А. Н. Муравьев и Н. С. Лесков) // Христианство и русская литература / отв. ред. В. А. Котельников. СПб.: Наука, 2002. Сб. 4. С. 292-299.
4. **Зайцев Б. К.** Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 2000. Т. 7 (доп.). Святая Русь: избранная духовная проза. Книги странствий. Повести и рассказы. Дневник писателя. 528 с.
5. **Клюкина О. П.** Святые в истории. Жития святых в новом формате. I-III века. М.: Никея, 2014. 304 с.
6. **Коняев Н. М.** Свет Валаама. От Андрея Первозванного до наших дней. М.: Вече, 2009. 296 с.
7. **Котельников В. А.** Православные подвижники и русская литература. М.: Прогресс-плеяда, 2002. 382 с.
8. **Лесков Н. С.** Монашеские острова на Ладожском озере. Путевые заметки // Лесков Н. С. Очерки и рассказы. Петрозаводск: Карелия, 1988. С. 82-167.
9. **Любомудров А. М.** Монастырские паломничества Бориса Зайцева // Русская литература. 1995. № 1.
10. **Любомудров А. М.** Православное монашество в творчестве и судьбе И. С. Шмелева // Христианство и русская литература: сб. статей / отв. ред. В. А. Котельников. СПб.: Наука, 1994. С. 364-391.
11. **Мальцева Т. В.** Валаам в литературе русского зарубежья // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 1. № 4. С. 208-215.
12. **Муравьев А. Н.** Путешествие по святым местам русским. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. Ч. 2. 353 с.
13. **Немирович-Данченко В. И.** Крестьянское царство (очерки и впечатления летней поездки на Валаам) [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/n/nemirowichdanченко_w_i/text_1881_krestyanskoe_tzarstvo_olderfo.shtml (дата обращения: 22.01.2018).
14. **Охотина-Линд Н. А.** Сказания о Валаамском монастыре. СПб.: Глаголь, 1996. 245 с.
15. **Пономарев П.** Валаамские святые и подвижники благочестия. М.: Благовест, 2012. 170 с.
16. **Резников Л. Я.** Валаам раскрывает тайны. Петрозаводск: Карелия, 1975. 184 с.
17. **Святитель Игнатий (Брянчанинов).** Аскетические опыты: в 2-х т. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. Т. 1. 816 с.
18. **Шмелёв И. С.** Старый Валаам: очерк. М.: Сибирская Благовонница, 2015. 192 с.

“...YOU SHALL FIND REST FOR YOUR SOULS...” “VALAAM BREAD” OF RUSSIAN LITERATURE

Utkina Elena Viktorovna, Ph. D. in Philology
Orenburg State Pedagogical University
ospu@ospu.ru

The article traces ideological development and integrity of a series of “Valaam” essays as a unique phenomenon of Russian pilgrimage publicistics closely associated with the traditions of domestic spiritual prose. The author focuses on the works, which are almost forgotten today (essays of Saint Ignatius (Brianchaninov), A. N. Muravyev, N. S. Leskov, V. I. Nemirovich-Danchenko et al.). It allows us to get deeper and more comprehensive understanding of Valaam world and spirit, to trace the dynamics of the “restless” Russian soul over the whole century. Valaam essays surely represent the processes of spiritual unrest, finding the ways to faith typical of the Russian literature of this period.

Key words and phrases: Valaam; “Valaam” literature; “Valaam” theme; Russian spiritual prose; essay; spiritual writer; hermit; Russian monasticism; spiritual fortress.